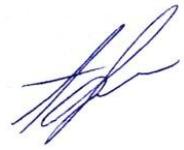


На правах рукописи



ГРИШИН Андрей Александрович

**ФЕНОМЕН УЖАСА:
ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.05 – Этика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Иваново 2015

Работа выполнена
на кафедре культурологии факультета философии и психологии
ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: **ВАРАВА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ**
доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры культурологии факультета философии и
психологии ФГБОУ ВПО «Воронежский
государственный университет»

Официальные оппоненты: **НАЗАРОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ**
доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры философии и культурологии ФГБОУ
ВПО «Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»

ПУСТОВОЙТ ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА
кандидат философских наук, старший научный
сотрудник ФГБНИУ «Российский научно-
исследовательский институт культурного и
природного наследия»

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
**«Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет» (НИУ «БелГУ»)**

Защита диссертации состоится «24» декабря 2015 г. в «14.00» часов на заседании
Диссертационного совета Д 212.062.08 при ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет» по адресу: 155908, г. Шуя, Ивановской области, ул.
Кооперативная, 24, ауд. 220.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», по адресу: 153 025, г. Иваново, ул. Ермака, 37/7,
корпус № 1, к. 108., и на официальном сайте университета: ivanovo.ac.ru.

Автореферат разослан: «___» ноября 2015 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии, доцент



М.Ю. Красильникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современная культура характеризуется мировоззренческим сдвигом *от трагедии к ужасу*, из которого она стремится выйти. В. К. Кантор отмечает: «Всю вторую половину XX века человечество пыталось вернуться из мира ужаса в ситуацию трагедийно-свободного бытия. Насколько это удалось – пока не очень понятно»¹. Возможно поэтому современное сознание интенсивно выталкивает такие понятия как «ужас», «страх», «тоска», вызывающие однозначно негативную реакцию. Не видя в них никакого позитивного смысла, потребительская цивилизация построила целую систему «культурных запретов», в котором эти «депрессивные» состояния теряют всякую значимость и смысл.

В тоже время, именно современность отличается интенсивными формами влечения к этим феноменам, которые обозначаются как «визуализация и эстетизация смерти», «эскалация ужаса» и т.д. Л. Свендсен полагает, что мы живем в «культуре страха», которая характеризуется тем, что «Страх превратился в обусловленную культурой призму, сквозь которую мы смотрим на мир»². При этом все трагические моменты человеческого бытия в контексте медийной культуры приобретают легковесный характер развлечения, из них уходит вся бытийная глубина, и они теряют свое нравственное значение.

Говорить о нравственном значении понятий и состояний «ужаса», «страха» и «тоски» конечно трудно, учитывая их «деструктивный» характер по отношению к человеческой психике и гедонистическую установку современной культуры, направленную на максимальное элиминирование страданий. Но и философская мысль особенно не жалуется на данные темы. Как заметил Н. Иванов, «идея ужаса» не самая любимая в истории метафизики, а «философской этикой скорее заболтанная, чем поставленная»³.

Это очень точное наблюдение. Здесь можно привести слова В. В. Розанова, задающего совершенно определенный этический ракурс

¹ Кантор В.К. Ужас вместо трагедии (творчество Франца Кафки) // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 76.

² Свендсен Л. Философия страха. М., 2010. С. 23.

³ Ужас реального / Т.М. Горичева [и др.]. СПб. : Алетейя, 2003. С. 105.

исследования: «Не полон ли мир ужасов, которых мы еще совершенно не знаем? Не потому ли нет полного ведения, что его не вынес бы ум и особенно не вынесло бы сердце человека? Бедные мы птички... от кустика до кустика и от дня до дня»⁴.

С нашей точки зрения именно этический взгляд на эти понятия способен раскрыть в них нравственную глубину, имеющую позитивное значение для формирования полноценного нравственного мира человека. И наоборот, игнорирование этих понятий, их «эстетизация» наносят нравственный урон личности, поскольку не позволяет ей пережить всю трагическую глубину бытия, в которой она пребывает.

Среди русских философов необходимо сослаться на Н. А. Бердяева, который единственный в своем роде говорил о том, что «тоска и ужас могут иметь чисто нравственное и духовное значение»⁵. Такое мнение встречается нечасто, поскольку большинство, в том числе и русских философов, склонны негативно трактовать эти понятия. Однако, взгляд Н. А. Бердяева является определяющим в данном вопросе. Мы полагаем, что эта мысль русского философа осталась незамеченной и недооцененной, хотя ее эвристическая значимость для нравственной философии очевидна.

С нашей точки зрения понятие «ужас» является одним из центральных в структуре этических категорий. Нравственное переживание ужаса способно обогатить личность, раскрыть бытийные измерения, о которых она не подозревала. В этом смысле становится актуальной *этическая аналитика феномена ужаса*, расширяющая горизонты современной этической теории, которые имеют непосредственное практическое значение для нравственного роста и совершенствования личности.

Степень разработанности проблемы. Особенность данной темы в том, что в большинстве трудов классической философии имеет место нестрогое употребление слова ужас. В них речь в основном идет о страхе (преимущественно о страхе смерти), который является ближайшим синонимом ужасу. Если же употребляется слово ужас, то оно употребляется в неспецифическом значении страха. В таком смысле эта тема достаточно широко отражена в европейской философии в текстах Аристотеля, Эпикура, Сенеки, Абельяра, Паскаля, Монтеня, Спинозы,

⁴ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 1990. С. 369.

⁵ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.; Харьков., 2003. С. 260.

Лейбница, Канта, Гегеля, Шопенгауэра и т.д. Как верно заметил Альфонс де Вэлэнс: «В определенном смысле страх всегда был в центре всякой подлинной философии, если согласиться с тем, что философия рождается из неуверенности человека относительно своего происхождения и своей судьбы. Таким образом, исследование философского смысла явления страха могло бы быть связано со всей историей человечества»⁶.

Особенность данной темы еще и в том, что проблема страха и ужаса неизбежно возникает в контексте страха и ужаса смерти. А поскольку европейская философия со времен Платона занята «умиранием и смертью», то практически все крупные мыслители касались этой темы.

Проблема ужаса в специфическом смысле появляется лишь в XIX веке в философии С. Кьеркегора и Ф. Ницше, достигнув своего апогея в творчестве Ф. Кафки, философии М. Хайдеггера и в экзистенциальной философии и психологии (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, В. Франкл, Р. Мэй и др.).

Большую значимость вопрос об эмпирическом страхе в его отличии от страха Божьего имеет в богословском контексте. Уже ранние христианские апологеты (Климент Александрийский) затрагивали данную тему, которая неизбежно присутствует во всем корпусе святоотеческой литературы (Василий Великий, Иоанн Лествичник и др.).

Тема ужасного, жуткого представлена в работах психоаналитического характера (З. Фрейд), а также в текстах постмодернистской направленности (М. Фуко, Деррида Ж и др.). В эссе Г. Лавкрафта «Сверхъестественный ужас в литературе» данный феномен осмыслен в контексте литературы.

Особое место вопрос об «ужасах жизни» занимает в русской философии и литературе. Н.В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, Л. Н. Андреев, М. Н. Арцыбашев, В. В. Набоков, А. Платонов касаются темы ужаса в его связанности со смертью и тоской.

Об ужасах жизни и смерти у Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого много писал Лев Шестов и В. В. Розанов. Их тексты отличаются особой глубиной проникновения в предмет. В книге Н. А. Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» ставится вопрос о

⁶ Вэлэнс А. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека / под ред. П.С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1993. С. 297.

духовном и нравственном значении ужаса в его отличии от страха. Это первая этическая постановка проблемы ужаса.

Существующая на сегодняшний день литература, посвященная исследованию ужаса, значительно уступает огромной литературе, в которой исследуется страх. Среди работ, исследующих различные, преимущественно, психологические, социально-философские, лингвистические, литературоведческие, искусствоведческие аспекты страха и ужаса следует назвать статьи, монографии и диссертации таких авторов как О. Э. Артемьева, Т. В. Чернянская, Е. В. Жаринов, Т. В. Абакумова, В. А. Андрусенко, В. Ю. Антонов, Н. Д. Баринов, В. Ю. Баскаков, С. А. Белорусов, Е. М. Боровой, А. С. Гагарин, Л. Н. Грошева, Е. Ю. Карлова, А. В. Мигунова, Е. Г. Логинова, С. В. Рашидов, Е. Н. Романова, В. Сакутин, Л. В. Скворцов, Г. И. Фаизова, О. С. Фролова, Д. Харитонович, Е. В. Шевченко и др.

Философские аспекты ужаса затрагиваются в работах П. С. Гуревича, Т. Горичевой, Ю. Н. Давыдова, А. В. Демичева, В. К. Кантора, В. А. Мазина и др. Особое место в данной теме занимает книга «Ужас реального» (СПб., 2003), представляющая собой современный философский дискурс ужаса. Книга построена в форме беседы, участниками которой являются Т. Горичева, А. Секацкий, Н. Иванов, Д. Орлов, М. Михайлова, А. Погребняк.

Однако, следует сказать, что работ, посвященных этическим аспектам ужаса, практически нет. В современной философской этике нет тематизации ужаса как моральной проблемы. В энциклопедическом словаре «Этика» (М., 2001) есть статья «Страх», в которой ужас упоминается в контексте борьбы со страхом как его составляющая наряду с робостью, испугом, потрясением, мучением. В учебниках по этике нет отдельно разделов, посвященных ужасу. В журнале «Этическая мысль» отсутствуют работы, исследующие проблему ужаса как проблему нравственной философии.

Среди работ этического характера, посвященных проблемам страха, нужно отметить монографию Ю. В. Пустовойт «Этическая модель страха в европейском моральном сознании, традиции античной философии и патристики» (2012), раздел «Феномен страха в социально-нравственной теории С. А. Левицкого» в диссертационном исследовании Е. Г. Логиновой «Страх как социальный феномен в русской религиозной

философии конца XIX – первой половины XX вв.», а так же размышления этического характера о природе ужаса, высказанные в книге «Ужас реального» (преимущественно Т. Горичевой и М. Михайловой).

В данной диссертационной работе предпринята попытка восполнить недостаточную изученность феномена ужаса в этико-философском контексте.

Объект исследования - «ужас» как этический феномен.

Предмет исследования - философско-этический анализ феномена «ужас» в философских традициях России и Запада XIX-XX вв.

Цель исследования: провести этико-философский анализ такого феномена как «ужас», малоисследованного в науке.

Реализация данной цели требует решения следующих **задач:**

- выявить этические измерения традиционно эстетической категории «ужасное»;
- проанализировать феномен эстетизации ужаса в современной медийной культуре;
- выявить отличия в понятиях «страх» и «ужас»; определить специфику феноменов страха и ужаса в психологии и философии;
- раскрыть амбивалентный характер ужаса, проявленный в таких состояниях как «ужас смерти» и «ужас бытия»;
- обосновать нравственное значение ужаса как возможность духовного восхождения человека.

Теоретическая база исследования. Основной теоретической базой исследования, повлиявшей на формирование главной концепции работы, явились труды русских философов и писателей (Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Платонова, М. Н. Арцыбашева, Л. Н. Андреева, А.П. Чехова, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, Л. Шестова). Безусловно экзистенциальная философия явилась одним из важнейших источников работы (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, Отто Ф. Больнов). Так же важными источниками исследования явились работы в области психологии, эстетики, современной этики и философии (особенно труды П. С. Гуревича, А. В. Демичева и Т. Горичевой). Отдельно следует назвать «Исследование ужаса» Леонида Липавского и книгу «Ужас реального» (СПб., 2003).

Научная новизна работы состоит в следующем:

- впервые феномен «ужаса» трактуется как этическая, а не как эстетическая, культурологическая, психологическая, религиоведческая, лингвистическая категория;
- предложена следующая типология ужаса: 1) ужас смерти; 2) ужас реального; 3) ужас перед тайной бытия;
- выявлено, что только третий тип ужаса («ужас перед тайной бытия») имеет нравственное значение, поскольку способствует духовному восхождению человека
- определено, что категория «ужас» связана с понятиями «тоски» и «бездны», имеющими особое нравственное значение в русской философии и литературе.

Теоретическая значимость диссертации определяется расширением существующей этической теории за счет раскрытия нравственных измерений феномена ужаса. Это дает возможность, во-первых, оделить психологические и этические трактовки экзистенциальных состояний человека, а, с другой, позволяет обнаружить более глубокую общую антропологическую основу этих трактовок.

Практическая значимость.

Выводы и результаты работы могут найти применение в образовательном процессе (курсы по этике, философии, психологии, философской антропологии, искусствоведению, культурологии, религиоведению).

Методология исследования: Методологические основой диссертационного исследования являются методы этико-философского анализа, а также общенаучные методы и принципы познания. Также в работе применялся системный подход, метод сравнительного анализа, аксиологический метод.

Положения, выносимые на защиту:

1. Понятие «ужас» является одним из центральных в структуре этических категорий. Нравственное переживание ужаса способно обогатить личность, раскрыть ее бытийные измерения. Это раскрывается в контексте русской философии и литературы, в которой экзистенциалы человеческого бытия приобретают нравственное измерение.

2. Феномен ужаса имеет следующую структуру: инвариантное ядро и вариативные социально-культурные формы. Инвариантное ядро является конституирующим человеческую психику элементом, который имеет вариативные формы проявлений. В этих контекстах имеет место нестрогое употребление понятий «страх» и «ужас», которые постоянно смешиваются. Раскрытие этических различий между страхом и ужасом позволяют определить нравственное значение ужаса как такового.
3. Нравственная значимость ужаса проявляется при раскрытии его амбивалентного характера. С одной стороны, ужас – это ужас смерти, но с другой, ужас – это ужас перед миром, потерявшим свой смысл. В первом случае ужас манифестирует нравственное неприятие своей смерти и связанное с этим духовное совершенствование личности; во втором, ужас, не связанный с небытием, свидетельствует о некоторых свойствах самого бытия, которые остаются незамеченными в рамках рационалистической парадигмы.
4. Ужас имеет следующую типологическую структуру: 1) ужас смерти; 2) ужас реального; 3) ужас перед тайной бытия. Только третий тип ужаса имеет нравственное значение, поскольку он связан с тоской. Именно связанность ужаса с тоской и «бездной» раскрывает его этический характер, в котором проявляется стремление человека к высшему нравственному идеалу. В русской философии ужас не самодостаточен и не представляет собой лишь предмет для эстетического любования. Здесь ужас – знак онтологического расхождения между «сущим» и «должным», что делает его одной из центральных категорий философской этики.
5. Медийная культура, с одной стороны, стремится замолчать (табуировать) серьезную рефлексию, связанную с ужасом и смертью, с другой, способствует «эскалации ужаса», тиражируя бесконечную медийную продукцию, в которой смерть – информационный повод, а ужас – недостающая эмоция, чтобы как-то развеять скуку и бессмысленность существования человека потребительской эпохи, то есть носит противоречивый характер. «Эстетизация ужаса и смерти» является наиболее эффективным инструментом массового медийного производства. В этом контексте альтернативной является

христианская парадигма ужаса, где последний (в форме страха) имеет духовное значение («Страх Господень – начало премудрости»).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях автора и его докладах на научных конференциях: в работе «Этико-философского семинара им. Андрея Платонова» (Воронеж, 2010-2015); регулярных конференциях в ВГУ «Культурология: пересечение научных сфер» (Воронеж, 2010-2015), на научных сессиях факультета философии психологии ВГУ (2010-2015), «Веневитиновских чтениях» (Воронеж, 2010, 2012, 2013), XII Рождественских чтениях на тему «Православное образование в культурной жизни региона» (Елец, 2011); международной конференции «Философия морали», посвященной 70-летию В. П. Фетисова; международной конференции «Платонов и Бытие» в рамках III Международного платоновского фестиваля искусств (Воронеж, 2014).

Основное содержание диссертации нашло отражение в 10 работах, в том числе в 3 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы определяется целью, задачами, а также спецификой этического дискурса. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих в себя семь параграфов, заключения и списка литературы. Общий объем работы – 160 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обуславливается актуальность темы диссертации, определяется объект, предмет, цель и задачи работы, раскрываются ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, указаны основные методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, представлены формы апробации исследования.

В первой главе «Концептуализация феномена ужаса в науке, религии и культуре» рассматривается функционирование понятия «ужас» как лингвистической, эстетической, психологической, религиозной и культурологической единицы.

В первом параграфе «Ужас как лингвокультурный концепт и эстетическая категория» исследуются лингвистические и эстетические контексты функционирования понятия «ужас». Отмечается, что иррациональный характер этого феномена делает его труднодоступным

для научного анализа, поскольку последний предполагает системность и верификацию, что весьма проблематично в данном случае.

Лексема «ужас» одна из наиболее частотных как в быденном, так и в художественном и философском языках. Данная лексема выражает сильную эмоцию, имеющую весьма широкий диапазон применения. Для иллюстрации этого тезиса приводятся данные различных словарей («Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» Т. Ф. Ефремова, «Историко-этимологический словарь современного русского языка» Черных П. Я.). Дефиниции этих словарей охватывают почти два столетия языкового употребления понятия «ужас», в течение которых составлялись словари. В них отражено инвариантное ядро семантического поля понятия «ужас», которое заключается в связанности данного понятия с состояниями сильного *страха, боязни, испуга, отвращения, изумления, безысходности и трагичности*. Отсюда и наречное значение «ужаса», выражающее чрезвычайно интенсивную степень чего-то. Иными словами, этим понятием выражается некое *предельное состояние*, в котором человек сталкивается с чем-то *запредельным*, выходящим за границы его повседневного житейского опыта.

Эту предельность лексема «ужас» получает от своей непосредственной связанности с лексемой «смерть», о чем свидетельствуют контексты их близкого употребления в художественных произведениях и в эмоциональных высказываниях в языке, когда эмоция «ужас» выступает как обозначение реакции, связанной с известием о смерти. Анализ фрагментов художественных произведений Л. Н. Толстого, Л. Н. Андреева, М. Н. Арцыбашева, В. В. Набокова, Ф. Кафки продемонстрировал это.

Сущностное не различие понятий «страх» и «ужас» приводит к их смешению в различных текстах, в том числе и в философских. Как сильное экспрессивное средство лексема «ужас» употребляется для обозначения предельного эмоционального состояния, как правило, отрицательного характера. Для иллюстрации этого анализируется работы Леонида Липавского «Исследование ужаса», В.В. Розанова «Опавшие листья», П. С. Гуревича «Страх – молитва души».

Рассмотрение «ужасного» как эстетической категории обнаруживает наличие в нем таких компонентов как «безобразное» и «низкое» (в традиционной эстетике), «омерзение» (у Л. Липавского) и «отвращение» у (Ю. Кристевой). Все это крайне отрицательные состояния, свидетельствующие о том, что «ужасное» представляет собой иррациональную и враждебную силу, с которой человек пытается справиться. В эстетической парадигме концепт ужаса рассматривается также в трудах Л. Свендсен, В. А. Мазина, Ю. Б. Борева.

Эстетическая трактовка «ужасного» более всего подходит к пониманию его этических свойств, поскольку *этическое и эстетическое* находятся в отношениях глубокого онтологического родства. Н. В. Голик, А. Е. Зимбули говорят о «Номо aesthetikos», в котором усматривается глубокое единство этических и эстетических начал.

Во втором параграфе «Психологическая трактовка ужаса/страха» речь идет в большей мере о терапии страха, которым по-преимуществу отличается психологический подход к данному феномену.

Отмечается, что в традициях европейской психологии принято употреблять понятие «страх», а не «ужас». Иногда речь идет о «жутком», как у З. Фрейда. Безусловно, имеются исключения, однако базовый термин психологии (и психиатрии) «фобия» (от греч. Φόβος) переводится как «страх». В традиционной психологии имеет место научное изучение ужаса (страха). Как всякое научное исследование, оно имеет свои положительные стороны, заключающиеся в раскрытии адаптационных механизмов эмоции страха, которые имеют конкретную практическую цель – достижение счастливой жизни. Страх полезен, поскольку он лучше всего помогает избежать опасностей и приспособиться к жизни.

В параграфе анализируются воззрения таких авторов как У. Джемс, К. Изард, Ф. Риман, Л. Свендсен, Ю. Кристева, Ю. М. Бородай, П. С. Гуревич, В. М. Розин, Б. С. Братусь и др. При этом были выявлены некоторые существенные ограничения возможностей психологии в постижении человека, на которые указывали как выдающиеся философы, так и видные психологи (М. Хайдеггер, А. Маслоу, К. Роджерс). Цели человека как нравственного существа не могут ограничиваться только потребностями физиологического и гедонистического характера, поскольку лежат в иной, более высокой – духовной сфере.

Книга Ю. Кристевой «Силы ужаса», выполненная на стыке психоанализа, философии и литературы, показывает связанность ужаса с отвращением и невозможность рациональной реконструкции данного понятия.

В третьем параграфе «Христианская парадигма ужаса» показано, что религиозное понимание страха связано с греховностью человека. Здесь выявляются существенные различия в религиозном и психологическом подходе к страху, проявляющиеся в том, что если христианство видит в страхе путь к вере и духовному преображению человека («Начало премудрости – страх Господень» (Пс.110:10), то в психологических трактовках позитивное значение страха усматривается в его способности адаптировать человека к окружающей среде, от которого нужно избавляться в том случае, если он становится препятствием для жизни в современном обществе.

В евангельских словах «Страшно впасть в руки Бога живаго!» (Послание к Евреям 10:31) заключено существенное отличие христианского понимания страха от всяких других его видений. Для подтверждения этого тезиса в параграфе анализируются библейские тексты (Притчи, Псалтирь, Книги Пророков, Деяния св. Апостолов, Св. Евангелие от Марка и др.). Кроме этого рассматриваются богословские взгляды Климента Александрийского («Строматы»), Иоанна Лествичника («Лествица»), Евгения (Булгара) («Рассуждение против ужасов смерти»), Фомы Хопко («Основы православия»), Софрония (Сахарова) «Видеть Бога как Он есть».

Аналогичные рассуждения встречаются и у других Отцов Церкви, размышлявших над природой человеческого страха, в том числе у Афанасия Великого («Толкование на псалмы»), Афанасия Александрийского («Толкование на псалмы»), Василия Великого («Беседы на псалмы»), Макария Египетского («Духовные беседы»), Исаака Сирина («О Божественных тайнах и о духовной жизни»), аввы Дорофея («Поучения»).

На основании исследования тестов Библии и святоотеческого предания делается вывод о том, что если в религии страх имеет значение как путь к вере, к духовному преображению человека, и в этом его безусловно положительное значение, то в психологических трактовках позитивное значение страха усматривается в его способности

адаптировать человека к окружающей среде. Видно, насколько существенно различие религиозного и психологического подхода к феномену страха.

Это различие касается и природы страха. Если с психологической точки зрения, как правило, стоящей на эволюционной парадигме, страх коренится в психологических особенностях человека как биологического существа, то с точки зрения богословия, страх («Страх Господень») – это своего рода Божий дар, с помощью которого человек, будучи по преимуществу духовным существом, приходит к пониманию своего истинного положения. В то же время религия не исключает наличия в человеке низшего, психологического страха, в том числе и страха смерти. Но она относится к нему презрительно, считая его проявлением человеческой греховности и предлагая духовную терапию страха смерти через «памятование о смерти».

В четвертом параграфе «Эстетизация ужаса в современной медийной культуре» показано, каким образом произошла трансформация образа смерти в современной культуре.

В параграфе выявлен противоречивый характер медийной культуры, которая с одной стороны, стремится замолчать (табуировать) серьезную рефлексию, связанную с ужасом и смертью. С другой, способствует «эскалации ужаса», тиражируя бесконечную медийную продукцию, в которой смерть – информационный повод, а ужас – недостающая эмоция, чтобы как-то развеять скуку и бессмысленность существования человека потребительской эпохи. «Эстетизация ужаса и смерти» является наиболее эффективным инструментом массового медийного производства.

В современном массовом сознании смерть однозначно воспринимается как негативная величина. Смерть здесь мыслится как крайне неприятный факт, связанный не просто с прекращением жизни, но также и с прекращением наслаждений, получаемых от нее. Избавиться от страха смерти значит высвободить жизненное пространство для беспроblemного поучения удовольствий, которыми в изобилии располагает цивилизация. Этому посвящено большинство современных *гедонистически* ориентированных психотехник.

В параграфе показана «невротичность современного общества», которая проявляется в «смерти, лишенной смысла» (прот. Александр Шмеман). Эту ситуацию описал Жиль Липовецки («Эра пустоты»). Л.

Свендсен объясняет влечение к страху в современном обществе тем, что он избавляет от «скуки повседневности». Именно в этой ситуации и возникла возможность *эстетизации ужаса и смерти*, в которой особую роль играют медиа, для которых смерть – информационный повод (А. В. Белокрыльцева). Этот «цинизм media» (П. Слотердайк) характерен не только для России, но и для Запада в целом. Связанность современного невроза и страха смерти показана на примере работы Ф. Арьеса («Человек перед лицом смерти»). Негативные следствия «эскалации ужаса» проанализированы на примере книги Ю. Н. Давыдова «Этика любви и метафизика своеволия».

Медийный модус смерти, таким образом, входит сегодня в противоречие с экзистенциальным модусом, свидетельствуя о ситуации глубокого нравственного кризиса. Потребность ужаса у современного человека носит двойственный характер: с одной стороны, это показатель духовного кризиса, с другой, в этом стремлении проявляется некая «тайна человеческого естества», которые необходимо осмыслить в рамках этико-философского анализа.

Вторая глава «Нравственное значение ужаса» посвящена обоснованию того, что такие феномены как «состояние ужаса», «переживание ужаса» имеют позитивное нравственное значения для человека.

В первом параграфе «Ужас и страх: терминологические и онтологические различия» показано, что специфическая философия ужаса возникает в XX веке (Ф. Кафка, М. Хайдеггер, экзистенциализм). При этом большинство трактовок ужаса касаются психологических, эстетических и онтологических аспектов, не затрагивая этическую проблематику, связанную с ужасом. Если речь идет о нравственных аспектах, то они в большей мере затрагивают феномен страха (в аспекте преодоления страха смерти), нежели ужаса.

Выявление позитивного нравственного значения ужаса затрудняется тем, что ужас представляет собой негативную психологическую эмоцию, которая скорее вызывает реакцию отторжения и преодоления. Однако, философский анализ дает основания полагать, что в этом негативном для психики и обыденного сознания состоянии содержится нечто существенное, помогающее раскрыть этические характеристики человека. Чтобы говорить о нравственном значении ужаса, его нужно, прежде

всего, отделить от страха. Это разделение («Furcht»/«Angst»), идущее от С. Кьеркегора и получающее наивысшее воплощение у М. Хайдеггера, сегодня является аксиоматическим. Анализ текстов С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, Отто Ф. Больнова показал фундаментальное различие понятий «Furcht» и «Angst».

В параграфе была произведена лингвофилософская работа по прояснению, в том числе и переводческих нюансов, связанных с этими «терминами». Показано, что если у Хайдеггера терминологически обозначается нечто как «Angst» (экзистенциальный страх), то в русском философском сознании воспринимается (и переводится) как «ужас». И соответственно то, что он обозначает словом «Furcht» (просто страх) в русском сознании воспринимается как «боязнь», «страх как боязнь», не имеющие никаких экзистенциальных измерений. Именно у М. Хайдеггера показано фундаментальное различие ужаса и страха.

При этом нужно отметить, что это разделение проходит по линии *причинный страх* и *беспричинный ужас* (или экзистенциальный страх) безотносительно к возможному нравственному значению последнего. В литературе существуют работы, раскрывающие этически позитивный смысл страха (особенно страха смерти), но отсутствуют исследования, которые указывали бы на нравственную значимость ужаса.

Мы обратились к работе Н. А. Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики», в которой говорится о *духовом и нравственном значении именно ужаса*. С нашей точки зрения это новаторская мысль русского философа, оставшаяся незамеченной и не получившая дальнейшего развития. Горизонт этической исследовательской мысли, как правило, ограничивается горизонтом страха, но не ужаса. В этом смысле исключения представляют некоторые авторские концепции, в том числе, озвученные в книге «Ужас реального» Т. Горичевой и М. Михайловой.

Работа Н. А. Бердяева позволяет увидеть этические различия между, во-первых, страхом и ужасом, а во-вторых, позволяет раскрыть нравственное значение ужаса как такового. Страх, по мысли русского философа, и онтологически и этически сниженная категория по сравнению с ужасом. Игнорирование ужаса, стремление от него избавиться лишает человека собственной бытийной возможности на

обретение свободы и смысла, а значит и нравственно осмысленной и достойной жизни.

Во втором параграфе «Амбивалентный характер ужаса» показывается, что, с одной стороны, ужас связан со смертью, то есть небытием (*ужас смерти*); а с другой, ужас – это ужас бытия, перед тем, что есть (*ужас реального*). Связанность ужаса и смерти представлена широким кругом авторов, как отечественных, так и западных (В. В. Розанов, В. Янкелевич, Ф. Шперк, В. Эрн, Ж. Батай, М. Хайдеггер, М. Арцыбашев и др.). Каноническим примером «ужаса смерти» является «арзамасский ужас» Л. Н. Толстого, анализ которого представлен в параграфе. Здесь ужас манифестирует нравственное неприятие своей смерти и связанное с этим духовное совершенствование личности.

Второй тип ужаса (*ужас реального*) раскрывается на примере рассказа В. В. Набокова «Ужас». Описанный писателем ужас («высший ужас») вызван не смертью, а бытием, потерявшим свой привычный облик, то есть потерявшим свой смысл. Мир открылся таким, каким он есть на самом деле, без нашего смысла. И существование в таком мире есть «беспомощная боязнь существования», что и является ужасом, а не смертью. Здесь ужас, не связанный с небытием, свидетельствует о некоторых свойствах самого бытия, которые остаются незамеченными в рамках рационалистической парадигмы. В этом контексте важна мысль Н. Иванова о том, что «Древний ужас является собою потому, что его предмет – судьба».

Существенными является и отличия «ужаса смерти» от «страха смерти». В параграфе показано, что *ужас смерти* – это глубокая антропологическая константа, которую нельзя устранить, не затронув человеческой природы как таковой, ее этических, психологических и духовных оснований. Как это ни парадоксально, но ужас выступает в роли «нравственного гаранта» правильного восприятия смерти. Мысль К. Ясперса об «экзистенциальном страхе», гарантирующим подлинность и достоверность существования, подтверждает это. Также важна экзистенциальная аналитика ужаса в его сцепке со смертью, представленная М. Хайдеггером, прежде всего, в «Бытии и времени».

Аналитика «страха смерти» в его отличии от «ужаса смерти» представлена таким авторами как Н. Н. Трубников, Г. Тульчинский, А. Демичев, В. Ш. Сабиров, В. П. Фетисов и др. Религиозно-философский

анализ феномена страха смерти представлен в работах о. Георгия Флоровского и епископа Варнавы (Беляева).

Таким образом, амбивалентный характер ужаса проявляется в том, что это состояние может быть вызвано двумя исключаящими друг друга вещами. В большинстве случаев ужас – это ужас, вызываемый смертью. Однако, есть ужас, который возникает в связи с потерей миром привычного облика и смысла, когда он открывается таким, каким он есть на самом деле, вне человеческого придания смысла этому миру. Онтологическая связанность ужаса и смерти подчеркивает метафизический характер смерти, невозможность ее рационального постижения. Ужас в этом смысле является способом выявления метафизического характера смерти.

В третьем параграфе «Ужас как нравственное переживание тоски» речь идет об аутентичных нравственных смыслах феномена ужаса. Здесь показана возможность духовного восхождения человека через ужас.

В параграфе подробно разбирается связь «ужаса» и «тоски». Нравственное значение ужаса как переживание тоски в философии Н. А. Бердяева оказывается непосредственным образом связано с ужасом и «тайной бытия», образуя, тем самым, нравственный контекст. Для подтверждения этой философской интуиции Н. А. Бердяева привлекаются как философы, так и писатели (С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, Л. Шестов, А. П. Чехов, А. П. Платонов, М. Н. Арцыбашев и др.). В этом контексте принципиальными являются размышления Г. Померанца о Достоевском, у которого исследователь находит фундаментальную связанность *бездны и тоски*.

Показано, что ужас сопоставляется с трагизмом (Т. Горичева), вводит человека в «пространство божественного» и способен «выводить к радости» (М. Михайлова). Если нравственность понимать как стремление к преображению, к изменению своей наличной ситуации *от сущего к должному*, то ужас наряду с удивлением безусловно обладает большим нравственным значением. Ужас как *духовная сила* как сила способствует произвести этот *нравственный акт*.

В параграфе показано существенное отличие русских философов от западноевропейских в вопросах трактовки ужаса и смерти, которое заключается в том, что если для русских мыслителей характерна нравственная вовлеченность в проблематику, они стремятся тем или иным

способом преодолеть смерть и рассматривают ужас скорее как негативный эмоциональный фактор, в то время как западные философы склонны к аксиологической нейтральности и онтологическому восприятию ужаса.

Показано, как мысли русских философов перекликается с мыслями М. Хайдеггера о том «опыте бытия», который получает человек через *встречу с ужасом*. «Чудо из чудес», заключающееся в том, что сущее есть, вообще есть главное для Хайдеггера. Это соответствует исконному философскому удивлению, которое есть начало философии. И если философия, занятия философией есть «духовное упражнение» (П. Адо), то есть нравственное дело, то продвижение к ней через ужас и удивление тоже есть нравственное деяние. Таково, как мы полагаем, основное нравственное значение ужаса.

Исходя из вышеперечисленного, предложена следующая типология феномена ужаса:

- 1) ужас смерти;
- 2) ужас реального;
- 3) ужас перед тайной бытия.

В работе установлено, что только третий тип ужаса имеет нравственное значение, поскольку он связан с тоской и бездной. Именно связанность ужаса с тоской и «бездной» раскрывает его нравственный характер, в котором проявляется стремление человека к высшему духовному идеалу. В русской философии ужас не самодостаточен и не представляет собой лишь предмет для эстетического любования. Здесь ужас – знак онтологического расхождения между «сущим» и «должным», что делает его одной из центральных категорий нравственной философии.

В **заключении** подводятся основные итоги проведенного диссертационного исследования, формулируются основные выводы, а также определяются дальнейшие перспективы исследования.

Основные содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК МОиН РФ:

1. Гришин А.А. Эстетизация ужаса в современной медийной культуре / А.А. Гришин // Исторические, философские, политические и юридические

- науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. № 6 (56). Ч. 1. – С. 46-48.
2. Гришин А.А. Ужас и смерть в этико-философском контексте / А.А. Гришин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. № 6 (56). Ч. 2. – С. 58-61.
 3. Гришин А.А. Нравственное значение ужаса / А.А. Гришин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. №20 (217). – Выпуск 29. 2015. – С. 190-197.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Гришин А.А. Страх – этико-философская величина / А.А. Гришин // Культурология. Пересечение научных сфер. – Воронеж: Воронежская областная типография-издательство им. Е.А. Болховитинова 2010. Вып. 5. – С. 191-194.
5. Гришин А.А. «Ужасы постмодернизма» / А.А. Гришин // Вестник научной сессии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета. Воронеж: ВГУ, 2011. – Вып. 12. – С. 114-117.
6. Гришин А.А. Типология ужаса в философско-культурной проекции / А.А. Гришин // Культурология. Пересечение научных сфер. – Воронеж: Кварта, 2011. Вып. 6. – С. 129-132.
7. Гришин А.А. Понятие Ужаса (опыт философского эссе) / А.А. Гришин // Собор. Альманах религиоведения. – Вып. 9. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012.– С. 44-46.
8. Гришин А.А. Фетисов как он есть А.А. Гришин // Философия морали. Тоска по русскому аристократизму. К 70-летию В.П. Фетисова: Материалы этико-философского семинара им. Андрея Платонова 12-13 мая 2011 года. – М.: Наука, 2012. – С. 73-76.
9. Гришин А.А. Нравственная противоречивость страха смерти / А.А. Гришин // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. – 2015 _____ год, _____ №2.
http://actualresearch.ru/nn/2015_2/Article/philosophy/grishin2015_2.htm.

10. Гришин А.А. Ужас как нравственное переживание тоски / А.А. Гришин // Культурология. Пересечение научных сфер. – Воронеж: Кварта, 2015. Вып. 11. – С. 119-123.